

Коньшева Евгения Владимировна

ЕВРОПЕЙСКИЕ АРХИТЕКТОРЫ В СОВЕТСКИХ ПРОЕКТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В 1930-Е ГОДЫ: ЭВОЛЮЦИЯ МЕСТА, РОЛИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ. Часть I. ПОТРЕБНОСТИ И ЗАДАЧИ

УДК: 72.036
ББК: 85.113(2)6

Аннотация

Статья обращена к теме использования зарубежного опыта в сфере проектирования и строительства в СССР в годы первых пятилеток. Она касается малоизученного аспекта этой проблемы – положения европейских архитекторов в советских проектных организациях. Автор приводит и анализирует данные о численности европейских архитекторов в СССР в 1930-е гг. и их распределении по проектным организациям. Кроме того, исследуется порядок привлечения специалистов, принципы отбора и задачи, которые перед ними ставились. И, наконец, рассматривается эволюция их места и роли в центральных и региональных проектных трестах. Отдельное внимание уделено вопросу об эволюции взаимоотношений советских и европейских специалистов. Статья основана на привлечении массива документальных источников из российских и германских архивов.

Ключевые слова

европейские архитекторы, первые пятилетки, градостроительное проектирование

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Европейские архитекторы в градостроительном проектировании эпохи первых пятилеток: трансформация иностранного опыта в советских условиях» (проект № 14-04-00061).

Тема деятельности иностранных архитекторов в СССР в годы первых пятилеток и до настоящего времени остается недостаточно изученным фрагментом советского градостроительства. При накопившемся за последние годы знании, по-прежнему почти незатронутым в отечественной и зарубежной историографии остается вопрос о месте и роли европейских архитекторов в советских проектных организациях. Сотрудничество, развернувшееся на переломном для страны этапе, имело достаточный срок, чтобы сделать актуальным для изучения вопрос о его характере, достижениях и противоречиях и, в конце концов, о результатах.

Начало политики по привлечению иностранных специалистов в народное хозяйство СССР маркировано Постановлением Политбюро ЦК РКП (б) «О привлечении иностранных техников и обучении наших техников за границей» 1925 г.¹ Однако разработанные тезисы о порядке и формах приглашения специалистов появились лишь после провозглашения официального курса на индустриализацию XIV съездом ВКП (б) и соответствующего осознания необеспеченности кадрами этой грандиозной задачи. В феврале 1927 г. в постановлении СНК СССР «О привлечении специалистов из-за границы»² был определен порядок взаимодействия с потенциальными иностранными работниками. Документ устанавливал, что «по общему правилу» допускается приглашение из-за границы лишь высококвалифицированных специалистов. Только в виде исключения могли приглашаться работники средней квалификации и рабочие, причем последние только в качестве инструкторов на наиболее сложные производства.

Постановление СНК СССР 1927 г. достаточно подробно оговаривало необходимые условия вербовки и использования иностранцев. Приглашение предполагалось осознанным и планомерным, на конкретные должности, список которых должен был быть

предварительно разработан. Приглашение должно было проводиться только в индивидуальном порядке и с предварительным определением квалификационных требований, которым должны удовлетворять приглашаемые иностранные специалисты. Поскольку речь шла о ценных и востребованных специалистах, постановление требовало принять меры, обеспечивающие их целесообразное использование и установление условий, гарантирующих продуктивность работы, прежде всего надлежащую оплату и соответствующую бытовую обстановку. В свою очередь, иностранцы должны были быть предварительно проинформированы о точных производственных и технических условиях, в которых будет протекать их работа, и эти условия должны были быть точно зафиксированы в контрактах.

Однако начало форсированной индустриализации внесло свои коррективы в разумные основы приглашения иностранной рабочей силы на советское производство. Уже через год, согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП (б) 1928 г. «О привлечении иностранных специалистов»³, исходить нужно было уже «из необходимости привлечения... и специалистов среднего типа», а потребности индустриализации определили и дальнейшее движение в сторону расширения квалификационных требований и обусловили массовый поток на переломе 1920–1930-х гг. Постановление СНК 1927 г. фактически закрепило ведомственный характер «трудового заказа». Предлагалось установить точный порядок прохождения вопросов привлечения иностранных специалистов с устранением множественности инстанций путем «предоставления больших прав отдельным хозяйственным органам и с возложения на них соответственно большой ответственности за выполнение относящихся к этим вопросам директив». Примечательно, что в документе вообще не упоминается Наркомат труда (НКТ) как ответственная или регулирующая организация. Согласно постановлению ЦИК СССР от 2 января 1925 г. «О порядке найма рабочей силы», была отменена обязательная вербовка работников через органы НКТ, и в этой сфере за наркоматом были оставлены только функции посредничества и регистрации [1, с. 143].

То же самое касалось и найма иностранных трудовых ресурсов. В 1926 г. своим постановлением СНК СССР разрешил ведомствам самостоятельно заключать договоры с иноспециалистами с утверждением у народного комиссара или у его заместителя и с регистрацией в НКТ. В 1927 г. постановлениями СНК СССР и СТО были расширены права ВСНХ в этой сфере – он получил возможность заключать договоры сроком до 5 лет полностью самостоятельно, в пределах валютных лимитов, отпускаемых на техпомощь. Наркомат труда оказался в роли пассивного наблюдателя, так как профильные наркоматы полагали, что он не может вмешиваться в оперативную работу по приглашению и регулированию условий труда иностранных специалистов и не имеет права отказывать в регистрации⁴.

Ситуация бесконтрольности стала очевидна еще на заре массового привлечения иностранной рабочей силы и, пытаясь ее переломить, наркомат труда внес в ноябре 1930 г. в СНК СССР проект постановления «Об упорядочении дела приглашения иностранных специалистов». Документ должен был закрепить обязанность ведомств к началу хозяйственного года составлять годовые планы, определяющие контингент приглашаемых иностранцев, виды работ, на которые они приглашаются, перечень нужных квалификаций работников и предельные нормы денежных расходов, необходимых на уплату вознаграждения иностранным специалистам и, соответственно, согласовывать их с Наркоматами финансов, труда и ВЦСПС; заключать договоры с иноработниками на основе типового договора, разработанного и утвержденного Наркоматом труда, и утверждать их в руководстве соответствующего ведомства. Характерно, что в сложившейся ситуации Наркомат труда снимает с себя ответственность «за правильное руководство работой по приглашению и использованию иноспециалистов» и включает в документ пункт об ответственности соответствующих центральных ведомств и хозяйственных органов «по принадлежности»⁵.

В реальности дело ограничилось тем, что Наркомат труда только де-факто фиксировал сведения о количестве иностранных специалистов и рабочих, работающих в СССР, при

этом статистические данные формировались исключительно по ведомственному принципу на основании информации, полученной от профильных ведомств. НКТ регистрировал заключенные типовые и индивидуальные договоры с иностранными специалистами и рабочими; его иностранное управление издавало циркулярные письма, вело переписку с ведомствами и т. п., лишь фиксируя, что «практика приглашения иноспециалистов проходит крайне дезорганизовано»⁶. НКТ требовал, например, «в корне изменить практику приглашения и вербовки иноспециалистов и инокадров», «запретить без ведома ГКТ перебрасывать иноспециалистов», «запретить хозорганам брать на себя невыполнимые обязательства или обременяющие государство», «запретить перезаключать договора со ставками выше 1200 руб. без предварительного согласия ИНО НКТ»⁷ и т. п., но не имел реальных рычагов регулирования и контроля.

Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП (б) 1928 г. «О привлечении иностранных специалистов», предполагалось привлечь в народное хозяйство СССР в течение ближайших двух лет от 1000 до 3000 иностранных специалистов, в то время как по состоянию на июль 1928 г. в советской промышленности трудилось всего 654 иностранца, из которых только 379 имели квалификацию инженеров и техников⁸. «План по привлечению» иностранцев в строительные конторы и в производство строительных материалов в 1928 г. предусматривал приглашение 240 человек, причем три четверти из них были именно специалисты⁹. В том же 1928 г. при Стройкоме ВСНХ СССР было создано Центральное бюро иностранной консультации (ЦБИК), а также предполагалась организация иностранных бюро при строительных трестах и конторах¹⁰. В 1929 г. строительная промышленность и проектное дело (прежде всего, конечно, в сфере промышленного проектирования) были признаны областью приоритетных интересов, где должны быть «приняты меры к усилению привлечения крупных иностранных специалистов»¹¹.

Массовый приток иностранных рабочих и специалистов начался в 1930 г. В 1932 г. их общее количество составило свыше 16 тысяч человек, среди которых было 15 – 20% специалистов, преимущественно немцы и австрийцы (около 50%) и американцы (около 25%)¹². Масштабы приглашения архитекторов и инженеров строительных специальностей были, конечно, несопоставимы с общим числом иностранных специалистов. Тем не менее самые разнообразные проектные конторы начали массово подавать заявки на заключение договоров с иностранцами, либо самостоятельно приглашать архитекторов, техников и инженеров. Они работали в более чем 50 организациях, пик количества заключенных договоров пришелся на 1931 г., преимущественно это были германские специалисты¹³. В системе «Союзстрой» и «Союзстандартжилстрой» на 1 января 1932 г. работало 188 специалистов высшей квалификации и среднего звена¹⁴, и это без учета численности иностранных архитекторов, инженеров и техников вне этих объединений. 142 специалиста высшей квалификации (архитекторов и инженеров) в объединениях «Союзстрой» и «Союзстандартжилстрой» составляли около 12% всех специалистов в структуре ВСНХ/НКТП¹⁵. Иностранцев нанимали на работу не только проектные организации, но и непосредственно крупные промышленные предприятия в собственные проектные бюро, занимавшиеся не только промышленным проектированием, но и застройкой рабочих поселений и строительством гражданских административных и общественных сооружений¹⁶. Общее число только европейских специалистов в СССР, в чьих договорах была обозначена профессиональная деятельность именно как архитектора (либо по своим должностным обязанностям они работали в качестве архитекторов-проектировщиков или архитектурных графиков, или проектировали городскую инфраструктуру), – около 170 человек на всем протяжении 1930-х гг.¹⁷.

Наибольшее число иностранцев в системе гражданского архитектурно-градостроительного проектирования работало в Стандартгорпроекте/Горстройпроекте. Так, к концу первого квартала 1932 г., по предоставленным НКТП данным, в Стандартгорпроекте их было 75 человек¹⁸, по неофициальным данным – 90¹⁹. Ни одна другая проектная организация

не обладала таким мощным средоточием иностранных сил, даже в сфере промышленного проектирования²⁰. Во втором мощном гражданском проектном тресте – Гипрогоре – на протяжении 1930-х гг. работало только девять иностранных специалистов²¹. Причин такого дисбаланса можно обозначить несколько.

Прежде всего это ведомственная принадлежность непромышленных проектных институтов. Стандартгорпроект находился в ведении ВСНХ, который играл определяющую роль в индустриализации и сосредоточил в своих руках максимальные ресурсы, в том числе и для массового приглашения иностранной квалифицированной рабочей силы и специалистов. Чуть более сотни предприятий, трестов и контор ВСНХ обладали к январю 1932 г. более чем 40% (6718 чел.) иностранной рабочей силы, в том числе приблизительно 40–50% специалистов высшей квалификации²². Ввиду понимания «социалистических городов» исключительно как промышленно-селитебных образований ведомства в структуре ВСНХ являлись их основными планировщиками и застройщиками. Именно для нужд ВСНХ/НКТП в 1932 г. было выделено около 55% всех средств на жилищное строительство, а в 1933 г. было запланировано 58%²³. Приоритет советского государства был определен совершенно четко – преимущество в распределении средств и сил отдавалось именно новым рабочим городам и поселкам, планирование которых было сосредоточено в проектных конторах ведомств ВСНХ и, прежде всего, в руках Стандартгорпроекта/Горстройпроекта.

В то же время реформирование планировочной структуры и коммунального хозяйства существующих городов в годы первой пятилетки было отодвинуто на второй план, несмотря на громадный объем осуществляемых проектных работ. И подтягивание сюда дополнительных средств, в том числе валютных, для привлечения иностранных специалистов было явно нецелесообразно с точки зрения приоритета индустриальных интересов. Градостроительная реконструкция старых городов была сосредоточена в ведении ГУКХ при СНК РСФСР (с середины 1931 г. ставшего самостоятельным комиссариатом – НККХ РСФСР), который имел в сравнении с союзным ВСНХ лишь республиканский статус и меньшие лоббистские возможности. «Гражданский» наркомат «развернул работу с иноспециалистами» только с начала 1932 г., когда в его систему влился ряд организаций Росстроя, перешедшего из ВСНХ. Только тогда НККХ смог «отчитаться» 19 специалистами на первое января 1932 г. и уже 40 специалистами через год, но преимущественно средней квалификации²⁴. Время было уже упущено – основной поток иноспециалистов в проектное дело пришелся на конец 1930 – 1931 г., а в 1932 г. программа широкомасштабного сотрудничества начала постепенно свертываться. Попытки ГУКХ НКВД/НККХ РСФСР перетянуть приоритет в планировании новых городов из проектных ведомств ВСНХ в собственный институт Гипрогор, создав на его базе крупнейшее общесоюзное проектное объединение, в течение первой пятилетки не увенчались успехом [10, 11]. То же самое касалось и попытки включить в планируемое объединение Проектно-планировочное бюро Цekomбанка с главным средоточием иностранных проектных сил – группой Э. Мая²⁵. Проектно-планировочное бюро Цekomбанка стало, как известно, в сентябре 1931 г. ядром нового проектного треста ВСНХ – «Стандартгорпроекта». В результате в Гипрогоре не сложилось системного и целенаправленного привлечения иностранных специалистов, и здесь нужно учитывать также мощную самостоятельную проектную школу с крупными российскими и советскими специалистами, существовавшую в Гипрогоре со времен Картоиздательства НКВД 1920-х гг. [10]. Гипрогор нанимал лишь отдельных иностранных архитекторов, следуя не насущной потребности, а скорее общему тренду использования иноспецов.

Сосредоточение иностранных специалистов-архитекторов в объединении Союзстандартжилстрой и в подведомственном ему проектном институте Стандартгорпроект имело также и еще одну причину, которая демонстрировала один из главных интересов советского государства в восприятии иностранного опыта. Это внедрение типизации и стандартизации в проектирование и строительство (прежде всего в планировке поселений и жилищной сфере), рационализации производства строительных работ и индустриализации строительства,

серийного производства высококачественных стройматериалов с невысокой себестоимостью. Именно эти задачи перечислены в развернутом названии объединения Союзстандартжилстрой, и Стандартгорпроект был создан непосредственно для «проектирования и отбора типовых проектов рабочих поселков, жилищ и культурно-бытовых зданий» [4, с. 284], и именно сюда стягивались иностранные силы, обладавшие соответствующим опытом. На стандартизации и типизации был сосредоточен также подведомственный ВСНХ трест Гипровтуз/Вузстройпроект, занимавшийся проектированием средних, средних специальных и высших учебных заведений, где работало второе по величине число иностранных специалистов в трестах гражданского проектирования – на конец 1931 г. – 9 человек²⁶, в 1932 г. – 7 человек, в том числе архитекторы группы Х. Майера²⁷.

Исключительное положение также занимала Москва, сосредоточивая иностранные силы в проектных организациях, занимавшихся реконструкцией столицы. Еще с 1920-х гг. Московский отдел коммунального хозяйства (МКХ) и Моссовет проявляли инициативу по использованию зарубежного опыта – поощрение концессий в жилищном строительстве и коммунальном благоустройстве, участие в командировках по изучению западного проектного опыта и посещение выставок и т. п. В 1930-е гг. иностранные архитекторы работали в АПУ Моссовета, Моспроекте, в архитектурно-проектных и архитектурно-планировочных мастерских Моссовета, в проектное бюро Б. Иофана в Управлении по строительству Дома правительства²⁸.

Каким образом осуществлялось приглашение европейских архитекторов и какие задачи перед ними ставились?

Прежде всего, стоит сказать, что представление о современном европейском опыте градостроительного и архитектурного проектирования, организации строительства и достижениях строительной промышленности было в советской профессиональной среде разносторонним и полным²⁹. В 1920-е гг. на страницах советских профессиональных журналов размещалась информация о европейской строительной периодике и о книгах, регулярно печатались статьи, заметки, аналитические отчеты о европейском строительстве. Публикации о зарубежном опыте в журналах «Строительная промышленность», «Коммунальное хозяйство», «Вопросы коммунального хозяйства» и других только за вторую половину 1920-х гг. составляют не менее 85 статей. Советские делегации или отдельные лица посещали строительные выставки в Дрездене (1926), Лейпциге (1926), Штутгарте (1927), международные конгрессы по городской планировке и (или) жилищному строительству в Кёльне (1925), Мюнхене и Париже (1928), Риме и Франкфурте-на-Майне (1929) и др. Советское государство не скупилось на валютные расходы для командировок: по сравнению с 1925/1926 гг. валютные затраты для этих целей возросли в 1926/1927 гг. на 27,5%, в 1927/1928 гг. – на 49,2%, в 1928/1929 гг. было намечено увеличение на 90%, в этом же году было запланировано 140 «строительных» командировок³⁰. Была создана специальная «Комиссия ВСНХ РСФСР по изучению строительства Западной Европы и САСШ» (так называемая «комиссия С.С. Лобова»); ВСНХ РСФСР инициировал специализированную серию «Библиотека по американскому и европейскому строительству», издававшуюся Гостехиздатом в 1929 – 1930 гг. Созданное в 1928 г. Государственное консультационно-техническое строительное бюро (Стройконсультация ВСНХ СССР) было предназначено в том числе «для всемерного содействия введению в строительную практику СССР достижений иностранной техники» [4, с. 293].

Основное внимание было уделено опыту Веймарской Германии, где для СССР особый интерес представлял практический опыт в таких сферах, как градостроительное проектирование (планировка и благоустройство городских поселков); жилищное строительство (особенности проектирования жилых многоквартирных домов, типизация жилых ячеек, нормы общей и жилой площади, «минимальное жилище», внутреннее благоустройство); строительство (строительные материалы и конструкции, механизация работ и стандартизация проектирования и строительства, организация и методы производства работ) [13, с. 206–212]. Профессиональная

пресса во второй половине 1920-х гг. регулярно публиковала статьи, заметки, аналитические отчеты о германском строительстве, творческие портреты и т. п. Немецкие строительные журналы имели широкое хождение в советской профессиональной среде, их выписывали библиотеки, учреждения, вузы, архитектурные мастерские. Германию неоднократно посещали советские архитекторы и строительные чиновники, в том числе организованными экскурсиями [13]. Информация о таком непосредственном изучении европейского опыта широко публиковалась.

С зарубежным опытом можно было ознакомиться и непосредственно в СССР. Прежде всего, не стоит забывать о редких, но имевших место в 1920-е гг. примерах концессионного сотрудничества, которые были ценны возможностью перенять новые строительные технологии и материалы («Альбауленц», «П. Коссель и компания»). В процессе изучения зарубежного опыта исключительно важную роль сыграли Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) и русско-германское общество «Культура и техника». Так, в секции стройматериалов последнего велась активная работа по изучению, пропаганде и внедрению научно-технических достижений; приглашались на заседания отечественные и зарубежные специалисты, организовывались выездные консультации и передвижные выставки³¹. Кроме того, некоторые зарубежные специалисты принимали участие и в реорганизации советского профессионального образования по подготовке строительных инженеров и техников, непосредственно работая в СССР или выступая в качестве консультантов. Как известно, европейские архитекторы участвовали в СССР в открытых конкурсах и выполняли заказные проекты (Ле Корбюзье, Б. Таут, П. Беренс, Э. Мендельсон, В. Гропиус, Я. Берлаге и др.), посещали страну с открытыми лекциями и консультациями или просто ознакомительными поездками (Ле Корбюзье, Э. Май, Б. Таут, М. Вагнер и др.); большую роль играли и личные контакты советских и зарубежных архитекторов. К 1920-м гг. относится и первый пример непосредственного участия зарубежного архитектора в практическом градостроительном проектировании в СССР – деятельность И. Ван Логема в АИК «Кузбасс» [5, 6].

Таким образом, советские правительственные и хозяйственные органы, так или иначе связанные с проектированием и строительством, имели прекрасное представление о том, кто конкретно из известных зарубежных специалистов и какого профиля представляет интерес для СССР.

Работа по предварительному подбору зарубежных кадров ложилась на советские торговые представительства в европейских столицах, где создавались по возможности специальные технические бюро или выделялись специальные сотрудники, занимавшиеся исключительно этой проблемой. Техбюро должны были предварительно проверять квалификацию приглашаемых работников, их опыт и т. п. При этом в подборе специалистов необходимо было полностью отказаться от услуг посреднических контор или использовать объявления в прессе – должны были быть задействованы связи и информация работников торгпредств³². В свете преимущественного сотрудничества с Германией в проектной сфере особую роль играло берлинское торгпредство, где было открыто специальное строительное бюро под руководством инженера Э.А. Марка. Бюро занималось подбором архитектурных, инженерных и технических кадров для строительной промышленности, промышленных и гражданскихстроек, проектных бюро и т. п. и работало в тесном контакте с ЦБИК и иностранным отделом объединения «Союзстрой». Руководители объединений и крупных трестов ВСНХ, используя личные контакты с германскими архитекторами и инженерами и находясь в зарубежных командировках, осуществляли в 1930 г. самостоятельный поиск необходимых кадров, и с наиболее заинтересовавшими их специалистами лично вели переговоры. Так делали, в частности, начальник Строительного комитета ВСНХ СССР, впоследствии заместитель председателя Союзстроя В.Е. Барский, глава Комитета по стандартизации Ф.В. Ленгник, управляющий треста «Теплобетон» И.С. Бусаров и др.

Привлечение специалистов архитектурно-строительной сферы первоначально осуществлялось целенаправленно и в индивидуальном порядке, с предъявлением высоких квалификационных требований и стремлением к максимально целесообразному использованию.

Прежде всего, стоит отметить исключительные примеры, в которых, тем не менее, наиболее ярко отразился главный интерес советской стороны. Здесь следует обратиться к фигурам Эрнста Мая и Бруно Таута. Приглашение таких значимых персон санкционировалось на «высоком» уровне – например, переговоры с Б. Таутом вел не проектный трест, а глава Моссовета Н.А. Булганин и его заместитель Т.С. Хвесин. Б. Тауту было отправлено персональное письменное приглашение от Президиума Моссовета [18]. По утверждению Э. Мая, в июне 1930 г. он получил приглашение работать в СССР от РКИ (Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции СССР)³³. И если это действительно так, то можно предположить, что за этим приглашением стоял лично Г.К. Орджоникидзе, который был в 1926–1930 гг. главой РКИ (и одновременно зампредом СНК и СТО СССР), иначе объяснить такое приглашение «непрофильным» наркоматом вряд ли возможно. Деятельность Э. Мая по проектированию поселений при промышленных предприятиях и в последующем находилась в ведении Г.К. Орджоникидзе, который с ноября 1930 г. возглавлял ВСНХ. Трудовой договор был подписан очень быстро – уже в июле 1930 г. было найдено соответствующее потенциалу Э. Мая место работы. Контракт был заключен с Цekomбанком, где было сформировано специальное проектно-планировочное бюро по проектированию и застройке соцгородов. Стоимость трудового контракта соответствовала и правительственному уровню приглашающей стороны, и масштабу задач. Даже значительно урезанный в финансовой части договор Э. Мая в 1932 г. оставался самым «дорогим» среди всех соглашений с иностранными специалистами любого профиля в СССР³⁴.

Подобные контракты имели для СССР, несомненно, «имиджевую» сторону – участие в социалистическом строительстве столь крупных фигур европейского градостроения и архитектуры. Уже в 1927 г. Э. Май и Б. Таут, наряду с В. Гропиусом, были названы в немецкой профессиональной прессе ведущими представителями современной архитектурной мысли, а сообщения и книги о современной немецкой архитектуре опирались преимущественно на их работы [17, с. 79]. Но это было отнюдь не главным³⁵. Можно предположить, что от этих персон ожидали, прежде всего, методику эффективной организации процесса проектирования и строительства. И здесь важен был такой практический опыт, какой имели именно Э. Май и Б. Таут, на протяжении нескольких лет занимавшие в Германии посты городских советников по строительству с соответствующими полномочиями. Так, в подчинении Э. Мая, руководившего градостроительным планированием во Франкфурте-на-Майне в 1925–1930 гг., находились отделы городского и регионального планирования, жилищного планирования и строительства, землеотвода, зеленых насаждений, капитального строительства, типизации жилищного строительства, стройнадзор [15, с. 14] и, по словам Э. Мая, под его началом работало около 300 сотрудников³⁶. Его ведомство выстраивало систему работы, с одной стороны, с инвесторами, застройщиками, предприятиями стройматериалов, банками и организациями ипотечного кредитования, с другой – с властью: с обер-бургомистром и городским магистратом, с различными социальными и политическими силами. Б. Таут в течение двух с половиной лет (1921–1924) занимал аналогичный пост в Магдебурге и сразу после своего вступления в должность реорганизовал строительное управление, в том числе образовав отдел перспективного планирования развития города [17, с. 62].

Кроме того, именно Э. Май и Б. Таут проявили себя сторонниками идеи реконструкции существующего города через организацию системы автономных жилых поселков-комплексов и обладали в сфере подобного проектирования громадным практическим опытом. Э. Май непосредственно участвовал в проектировании и архитектурном решении

пятнадцати реализованных поселков и жилых групп во Франкфурте-на-Майне (Рёмерштадт, Брухфельдштрассе, Праунхайм, Вестхаузен, Ридервальд и др.); Б. Таут уже был известен проектированием жилых комплексов в Берлине, работая для GENAG GmbH³⁷. Оба архитектора, в соответствии с социально-реформистскими задачами, решали, прежде всего, проблему преодоления жилищной нужды, разрабатывали и практически воплощали концепцию рационально организованного и экономичного массового «минимального жилища».

Можно сейчас только предполагать основания советской стороны для предпочтения Э. Мая в 1930 г., несмотря на то, что Б. Таут имел в 1920-е гг. более тесные связи с СССР: он трижды побывал в Москве (1926, 1929 и 1930), выступая с докладами и консультациями по жилищному строительству, конструкциям и материалам; участвовал в проектных конкурсах; переводы статей и докладов Б. Таута регулярно публиковала советская профессиональная печать [5]. Э. Май был впервые приглашен в СССР по линии ВОКС только в мае-июне 1930 г., в ходе визита выступал с лекциями и докладами, встречался с архитектурной общественностью и руководством строительных ведомств, проводил консультации в Москве, Ленинграде и Харькове³⁸. Вероятно, с советской стороны эта поездка рассматривалась как «предварительное знакомство» с потенциальным работником. Выбор в пользу Э. Мая как главного проектировщика рабочих поселений был абсолютно оправдан с точки зрения его более широкого опыта именно как руководителя с фактически неограниченными полномочиями, как организатора деятельности большого коллектива, охватывающей все сферы проектирования и строительства. Сотрудничество Б. Таута в 1920-е гг. сложилось с Моссоветом и Мосстройобъединением, неудивительно, что его договор в 1932 г. был заключен с именно Моспроектом, предполагавшим, вероятно, использовать его опыт реконструкции и оформления столичного города.

Представление образца эффективной организации процесса проектирования подразумевало приглашение такого рода специалистов с опытными сотрудниками. Как известно, Э. Май прибыл с коллективом архитекторов различной профильной квалификации, большая часть которых были его соратниками во Франкфурте-на-Майне³⁹, и русские специалисты должны были влиться в эту команду, перенимая опыт. Б. Таут также оговорил прибытие вместе с ним в Москву трех сотрудников⁴⁰, кроме того, при реорганизации архитектурно-строительного дела в Москве, разработанной Б. Таутом, Т.С. Хвесин предложил ему пригласить еще 15–20 европейских архитекторов для организации процесса в новой структуре [18, с. 202].

В этот же ряд можно поставить приглашение Ханнеса Майера, с которым в 1930 г. был заключен договор Главпромкадра⁴¹. Х. Майер был прекрасно известен в СССР своими проектами и, кроме того, за ним, безусловно, стоял авторитет Баухауза. Были известны и его левые взгляды, следствием которых стало отстранение от должности директора Баухауза, получившее широкий отклик в СССР. В отличие от Э. Мая и Б. Таута, Х. Майер сам обратился с предложением о возможности работы в СССР. После этого он сразу был поставлен также в исключительное положение: его письмо Элю Лисицкому с предложением «наши усилия... применить там, где наши замыслы и наш опыт ... смогли бы принести наибольшую пользу» датировано 23 августа 1930 г. [2], а уже в октябре того же года Х. Майер прибывает в СССР «для руководства проектной работой Гипровтуза»⁴². Как руководитель архитектурно-строительного вуза и практикующий архитектор, он, несомненно, обладал опытом руководства коллективом сотрудников, равно как и опытом организации работы проектной мастерской. И приглашающая организация (Главпромкадр), и место работы (Гипровтуз), несомненно, соответствовали и его предшествующему опыту подготовки архитектурных кадров, и знаниям необходимых требований к эффективной архитектурно-пространственной организации учебного заведения, и возможностей типизации и стандартизации. Х. Майер сразу оговорил необходимость приглашения своих учеников и, как указывал начальник Гипровтуза, «пробивая» приезд молодых архитекторов в Секторе кадров ВСНХ, «приезд Ганнеса Майера был в свое время обусловлен вызовом из Германии

этих специалистов, составляющих сработавшуюся между собой производственную группу одинаковых политических убеждений»⁴³.

Для этих архитекторов были оговорены высокие посты в советских проектных органах. Э. Май изначально получил «конт-планш» по руководству Проектно-планировочным бюро Цеккомбанка. В его договоре было отдельно указано, что «гражданин Май, принимая должность главного инженера бюро, участвует в организации бюро путем приглашения на службу... необходимого для работы бюро персонала, в том числе иностранных специалистов, обладающих соответствующей квалификацией в области планировки городов и поселков, строительства жилых домов, школьных и больничных зданий, гостиниц, клубов, театров, строений для размещения учреждений и торговых предприятий и прочих видов гражданского строительства, а также сооружений по санитарному оборудованию и благоустройству городов и поселков. Гр. Май берет на себя техническое руководство работами бюро и ответственность за эти работы... Причем техническое руководство бюро осуществляется гражданином Май самостоятельно»⁴⁴. При реорганизации системы проектного дела и образовании проектного института Стандартгорпроект в сентябре 1931 г. он становится главным инженером треста, получая под свое начало несколько сотен сотрудников, а также членом научно-технического совета объединения «Союзстандартжилстрой» [4, с. 158]⁴⁵. Б. Таут должен был занять должность главного архитектора Моспроекта, где в 1932 г. работал, согласно списку персонала, 831 сотрудник [18, С. 128–129, 235], и, в конце концов, получил собственное проектное бюро с непосредственным подчинением Президиуму Моссовета⁴⁶. Х. Майер сразу по прибытии становится не только главным архитектором Гипровтуза (октябрь 1930 – январь 1932 г.), но и профессором ВАСИ (до осени 1933 г.) и консультантом Гипрогора (до января 1932 г.) [20, с. 91].

С одной стороны, положение и авторитет этих архитекторов в Европе, привычная система отношений с властью ввиду занимаемых ими постов, с другой – их представление о собственной высокой «миссии» в СССР объясняют факт, редкий в советской иерархической системе – непосредственное обращение по производственным вопросам к представителям верховной власти, минуя промежуточные ступени иерархической лестницы. Чтобы объяснить, что в СССР «не так используются единственные в своем роде возможности, предоставленные важнейшим историческим моментом именно в области строительства городов, как это диктуется современным состоянием науки градостроительства», Э. Май обращается непосредственно к Сталину⁴⁷. Прекрасно понимая, что застройка рабочих городов находится в ведении промышленных ведомств, он пытается решить принципиальные вопросы по проектированию Магнитогорска и городов Кузбасса напрямую с главой ВСНХ Г.К. Орджоникидзе. Б. Таут, «через голову» И.Е. Черкасского, главы Моспроекта, общается не только с Т.С. Хвесиним, но и с Н.А. Булганиным, обсуждая непосредственно с ним недостатки организации проектного дела в Москве и ее реформу – проект общей структуры городского строительного управления [18, с. 200, 231], по сути воспроизводя германскую систему «бургомистр – городской советник по строительству».

Руководящие ступени в советских проектных органах получили не только названные архитекторы. Постановление СНК СССР 1927 г. «О привлечении специалистов из-за границы» акцентировало руководящую роль иностранных специалистов на вверенном им участке работы, предполагая «систематическое общение и консультации с ними руководящих лиц хозорганов» и «инструктирование иностранцами советских специалистов». В тресте Стандартгорпроект в 1931 – 1932 гг. архитекторы из группы Э. Май руководили секторами жилищного строительства (Х. Шмидт), школьного строительства (В. Шютте), больничного строительства (В. Хеббрандт) [19, с. 49], детских учреждений (М. Шютте-Лихотски) [21, с. 227]. Профессор Баухауза Х. Шепер занимал в тресте Малярстрой в 1929–1931 гг. должность консультирующего директора по проблемам цветового оформления архитектуры [22, с. 323], а баухазовец Э. Борхерт по договору 1932 г. заведовал проектным бюро⁴⁸. На местах руководили проектированием и

строительством М. Стам (Магнитогорск), Ф. Форбат (Магнитогорск), О. Кауфманн (Донбасс), К. Пюшель (Орск). Немецкий градостроитель К. Майер работал руководителем бюро городского планирования Планировочно-земельного отдела Мосгорисполкома, руководил планировочной мастерской № 6 Моссовета и впоследствии был главным архитектором Бауманского района Москвы⁴⁹. Кроме того, иностранные архитекторы нередко возглавляли мастерские и проектные группы по созданию генпланов городов и поселений или проектированию отдельных значимых сооружений: Х. Майер (Гипрогор), М. Стам, Х. Шмидт, Ф. Форбат, В. Швагеншайдт, Ф. Ясперт (Стандартгорпроект/Горстройпроект), Б. Таут (Моспроект).

Подобная ситуация говорит о том, что методика эффективной организации должна была быть отлажена на всех ступенях проектирования и строительства; на первом этапе взаимоотношений действительно казалось, что «приглашенные иностранцы оказывают значительное благоприятное влияние на улучшение организации дела»⁵⁰.

Вторая глобальная задача, поставленная перед иностранными архитекторами, была сформулирована немецким архитектором-градостроителем Альфредом Форбатом, считавшим, что «Май и его сотрудники были призваны в СССР как эксперты в области городского планирования и жилищного строительства, чтобы привнести мировой опыт в российскую практику»⁵¹. Иначе говоря, от иностранных специалистов ожидали внедрения актуальных методов градостроительного проектирования и принципов организации городской структуры, априори признавая за современной западной теорией и практикой первенство перед российской. Эмоционально это было выражено в резолюции, наложенной на письмо кёльнского архитектора К. Майера «Майер градостроитель! Нужно его использовать для строительства социалистических городов!»⁵². Рационально – отдельной строкой в договоре Цekomбанка с Э. Маем в 1930 г., который вообще можно считать уникальным документом, поскольку в нем сконцентрированы фактически все интересы советской стороны в восприятии иностранного архитектурно-градостроительного опыта. На Проектно-планировочное бюро под началом Э. Мая возлагались не только «составление проектов по планировке новых городов, а также перепланировке старых», но и «разработка мероприятий... по улучшению методов проектировки и выполнения комплексного строительства городов и поселков с применением всех новейших достижений в области строительства...»⁵³.

Представление об отсталых методах советского практического градостроения, совершенно неподходящих для форсированной урбанизации и масштабов новых рабочих городов, заставляло обращаться к западным градостроителям и как к экспертам существующих проектов. Это было записано первым пунктом задач Проектно-планировочного бюро Цekomбанка: «рассмотрение и оценка, в порядке консультации, проектов, исполненных другими организациями и учреждениями, и внесение в них соответствующих исправлений»⁵⁴. Собственно с этого и началась деятельность бригады Э. Мая в СССР в конце 1930 – первой половине 1931 г. – уже разработанные, а часто и прошедшие утверждение в планировочных комиссиях проекты городов были не только рассмотрены и оценены с выдачей рекомендаций, но по ним были созданы альтернативные проекты, в меньшей части оставшиеся на бумаге (Новосибирск, Сталинградский Автострой), а в большей – принятые к исполнению (Новокузнецк, Щегловск, Прокопьевск-Тырган, Магнитогорск, Ленинск). В 1932 г. Х. Майер, К. Майер, Э. Май, Б. Таут, Х. Шмидт являлись постоянными консультантами-экспертами Научно-технического комитета при ВСКХ ЦИК СССР⁵⁵, а Х. Майер, К. Майер, Э. Май, кроме того, – членами Архплана Моссовета⁵⁶. Явно для демонстрации новейших градостроительных тенденций европейские архитекторы были привлечены к участию в конкурсе проектов реконструкции Москвы 1931/32 гг. (бригады Х. Майера, Э. Мая, К. Майера), а К. Майер стал не только конкурсантом, высказавшим важные концептуальные идеи, но и реальным участником авторского коллектива генплана Москвы 1935 г., занимая заметное место в московской архитектурной иерархии⁵⁷.

Третья задача касалась разработки и внедрения типовых проектов массового жилища на основе рационализации и стандартизации – наиболее насущной потребности в условиях хаоса застройки растущих рабочих поселений, и учетом наработанной практики Веймарской Германии и архитекторов CIAM, прежде всего опыта проектирования разнообразных типов «минимального жилища» Э. Мая и его коллег во Франкфурте. От них ожидали не просто «разработки типовых проектов жилых домов и других гражданских сооружений», но и «разработки мероприятий по рационализации и стандартизации строительства жилых домов и других гражданских сооружений ... с применением всех новейших достижений в области строительства, как конструктивных, так и в организации метода строительства и оборудования жилищ»⁵⁸. В непосредственной связи с этим находилась и четвертая задача – налаживание эффективной работы строительной промышленности, прежде всего «разработка проектов фабрик и заводов для производства стандартных жилищ» и создание рациональной организации труда на строительной площадке с качественной логистикой и контролем. В связи с этим как обязательный элемент работы архитектора предусматривался «осмотр возводимых сооружений на месте, дача по ним заключений и консультаций, а также оказание содействия в организации и выполнении строительства»⁵⁹, что означало разработку и внедрение методов организации непрерывной и результативной взаимосвязи проектирующей фирмы и стройки.

И, наконец, не менее важная задача передачи наработанного опыта советским коллегам. В договоре с Э. Маем специально оговаривается: «опубликование работ Бюро в особом журнале, издание книг и альбомов; ознакомление путем отдельных докладов инженерно-технических и общественных кругов с вопросами деятельности бюро ... Кроме того, содействие в подготовке молодых советских специалистов, путем прохождения студентами высших технических учебных заведений своей производственной практики в Бюро и поднятие квалификации молодых специалистов, окончивших советские высшие технические учебные заведения»⁶⁰. Именно это определит формирование исключительно интернациональных проектных бригад во всех проектных организациях, где работали иноземцы, благодаря чему, как считали даже в консервативном Гипрогоре, «методы работы иностранных проектировщиков усваиваются нашими проектировщиками»⁶¹.

Как видно из всего изложенного, спектр задач поистине всеохватен и весьма прагматичен. Ни одного идеологического штампа либо внимания художественным принципам организации городской среды и образной стороне архитектурного облика. Столь практичный подход предполагал, казалось бы, конструктивное и эффективное сотрудничество коллег, пусть первоначально в режиме «учитель – ученик». Однако действительность советских проектных организаций оказалась намного сложнее: принципы построения советской проектной сферы и ее отдельных институтов, организация работы, эмоционально-психологический фактор во взаимоотношениях «свой – чужой», и все это в сочетании с трансформацией идеологии архитектуры в первой половине 1930-х гг. осложнили эффективную реализацию поставленных задач и обусловили быструю эволюцию места и роли иностранных архитекторов.

Примечания

¹О привлечении иностранных техников и обучении наших техников за границей: постановление Политбюро ЦК РКП (б) от 11.06.1925 [3, с. 182].

²О привлечении специалистов из-за границы: постановление СНК СССР от 15.02.1927 [3, с. 222–225].

³О привлечении иностранных специалистов: постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 2.08.1928 [3, с. 233–234].

⁴ГАРФ. – Ф. 5515. – Оп. 33. – Д. 32. – Л. 147ж.

⁵ГАРФ. – Ф. 5515. – Оп. 33. – Д. 32. л. 50в, 50в об.

⁶ГАРФ. – Ф. 5515. – Оп. 33. – Д. 3. – Л. 41.

⁷ГАРФ. – Ф. 5515. – Оп. 33. – Д. 3. – Л. 42 об.

⁸ГАРФ. – Ф. 5446. – Оп. 10а. – Д. 5. – Л. 28.

⁹ГАРФ. – Ф. 5446. – Оп. 10а. – Д. 5. – л. 29.

¹⁰ГАРФ. – Ф. 5446. – Оп. 10а. – Д. 5. – л. 29.

¹¹ГАРФ. – Ф. 5446. – Оп. 10а. – Д. 5.

¹²ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13а, д. 456, л. 81.

¹³Оценка автора на основе анализа документов ГАРФ и РГАЭ, в частности: ГАРФ. – Ф. 5451. – Оп. 13а; РГАЭ. – Ф. 5741. – Оп. 2,5.

¹⁴ГАРФ. – Ф. 5451. – Оп. 13а – Д. 456. – Л. 63–65.

¹⁵Расчеты автора на основе архивных данных (ГАРФ. – Ф. 5451. – Оп. 13а. – Д. 456). Более точные данные представить невозможно из-за ориентировочной цифры общего числа иностранных рабочих, специалистов средней и высшей квалификации в СССР и лишь приблизительной оценки общего процентного числа специалистов.

¹⁶Так, архитекторы Г. Козель и А. Мориц (оба из Германии) были наняты Кузнецким металлургическим комбинатом, Р. Зандер (Германия) – Энергостроем, Р. Волтерс (Германия) – Сибстройпутем, Й. Вейанд (Германия) – Управлением Гражданского воздушного флота, М. Кнауце (Германия) – Союзкалием, С. Кольпеницкий (Германия) – Союзхимпластмассом, Х. Блюменфельд и Ф. Вайс (оба из Германии) – Макеевским металлургическим комбинатом, С. Зебек (Германия) – Главжелдорстроем.

¹⁷Оценка автора (с наличием поименного списка) на основе анализа разноплановых источников, прежде всего документов ГАРФ и РГАЭ (в частности: ГАРФ. – Ф. 5451. – Оп. 13а; РГАЭ. – Ф. 5741. – Оп. 2, 5). Из этого общего числа около 140 архитекторов работало именно в сфере гражданского градостроительного и архитектурного проектирования, еще у примерно 30 архитекторов такую гражданскую специализацию однозначно подтвердить невозможно ввиду недостаточности данных.

¹⁸ГАРФ. – Ф. 5451. – Оп. 13а. – Д. 456. – Л. 31. Эти официальные данные нельзя назвать абсолютно точными, так как показатели отличаются в разных документах и меняются от месяца к месяцу, но порядок цифр примерно таков.

¹⁹ГАРФ. – Ф. 5451. – Оп. 13а. – д. 481. – Л. 64. В докладной записке сотрудников Стандартгорпроекта в ЦКК РКИ в декабре 1932 г. сообщается, что после формирования треста в нем работало 90 иностранных специалистов, а к концу 1932 г. осталось 52 человека. В документе существует ссылка на прилагаемый список (не обнаружен). Эти данные косвенно подтверждает Э. Май, утверждая, что под его началом в тресте работало около 100 иностранцев (May, E. *Städtebau in der Sowjetunion // Das neue Rußland. – 1932. – № 1/2. – S. 29*).

²⁰Тресты Госпроектстрой-1 (с Харьковским отделением) и Госпроектстрой-2, тесно сотрудничавшие с американской «Альберт Кан инкорпорейтед», имели в начале 1932 г. 24 иностранных сотрудника, это наибольшее число среди других трестов и контор промышленного проектирования (ГАРФ. – Ф. 5451. – Оп. 13а. – Д. 456. – Л. 30).

²¹В Гипрогоре работали (в скобках указана страна гражданства до принятия гражданства СССР, если таковое было принято впоследствии и даты работы в Гипрогоре): Ханнес Майер (Швейцария, 13.3.1933 – 13.3.1934), (Пьер Бюкинг (Чехословакия, 1931 – 1937), Ханс Блюменфельд (Германия, 1931 – 1932), Густав Хассенпфлюг (Германия, 1933), Дело-Свабра (?), Л. Розенберг (США, 1931 – ? (принято советское гражданство)), Блюминг (?), Макс Краевский (Польша, 17.2.1931 – ? – принято советское гражданство), Назим Зиновьевич Нессис (Румыния, 1933 – 1934, принято советское гражданство).

²²Если ориентироваться как на исходные данные на цифру общего числа иностранных работников в СССР в 16 тыс. человек и 15 – 20% из них специалистов, о чем было упомянуто выше.

²³ГАРФ. – Ф. 4544. – Оп. 1. – Д. 425. – Л. 54. Для сравнения: второму по величине жилищному застройщику – местным исполкомам – в 1932 г. было выделено 10% от общей суммы.

²⁴ГАРФ. – Ф. 5515. – Оп. 23. – Д. 2. – Л. 1. Документ свидетельствует также, что в основном иноспециалисты были средней квалификации и, по-видимому, можно говорить только о 8 специалистах высшей квалификации, так как именно столько иностранцев работало на «валютных» договорах (ГАРФ. – Ф. 5515. – Оп. 23. – Д. 2. – Л. 1.).

²⁵Коммунальное дело. 1931. № 2/3. С. 112.

²⁶ГАРФ. – Ф. 5515. – Оп. 23. – Д. 41. – Л. 51–52.

²⁷ГАРФ. – Ф. 5451. – Оп. 13а. – Д. 456. – Л. 30. В Гипровтузе/Вузстройпроекте работали (в скобках указана страна гражданства до принятия гражданства СССР, если таковое было принято впоследствии и даты работы в Гипровтузе): Ханнес Майер (Швейцария, ноябрь 1930 – 1931), Филипп Тольцинер (Германия, февраль 1931 – октябрь 1933 (принято советское гражданство)), Конрад Пюшель (Германия, февраль 1931 – октябрь 1933), Бэла Шефлер (Германия, ноябрь 1930 – 1931, принято советское гражданство), Антонин Урбан (Чехословакия, февраль 1931 – ? – принято советское гражданство), Тибор Вайнер (Венгрия, февраль 1931 – октябрь 1933), Рене Менш (Швейцария, февраль 1931 – 1932), Клаус Мойман (Германия, февраль 1931 – ? – принято советское гражданство), Антон Полгар (Венгрия, ? – октябрь 1933 – принято советское гражданство).

²⁸Так, в АПУ Моссовета работал Г. Пензеш; в архитектурно-планировочных мастерских Моссовета – К. Майер (руководил мастерской № 6), В. Шнейдратус (мастерские № 4 и 6); в архитектурно-проектных мастерских – А. Люрса (мастерская № 5); в Моспроекте – Б. Таут, Ю. Нойманн, Й. Нойефельд, Людеке, М. Вебер, Биссинг; в проектно-управлении по строительству Дома правительства – Б. Хойман.

²⁹Более подробно об изучении европейского опыта: [7].

³⁰ГАРФ. – Ф. 5446. – Оп. 10 а. – Д. 5. – Л. 25–26.

³¹ГАРФ. – Ф. 5006. – Оп. 1. – Д. 33.

³²ГАРФ. – Ф. 5515. – Оп. 33. – Д. 32. – Л. 50.

³³Архив истории КМК. – Оп. 2. – Д. 23-М – Л. 2.

³⁴ГАРФ. – Ф. 5515. – Оп. 23. – Д. 3. – Л. 41. Договор Э. Мае, заключенный в 1930 г. на 5 лет с Цекомбанком предполагал зарплату первые два года – 1750, третий – 2200, четвертый и пятый – 2250 долларов и рублевую часть – 2000 ежемесячно. Двухлетний договор между Э. Мае и Союзстандартжилстроем в 1932 г. предусматривал ежемесячно 500 долларов и 3000 руб. (Deutsches Kunstarchiv im Germanisches Nationalmuseum Nürnberg (DKA). NL May, Ernst, I, В-13).

³⁵Примечательно, что предложение работать в СССР на постоянной основе по контракту не получил, например, такой архитектор, как Ле Корбюзье, чьи градостроительные и архитектурные идеи имели огромное влияние в профессиональной среде в СССР, получивший в 1928 г. контракт на проектирование здания Центросоюза, а в 1930 г. призванный (из иностранных архитекторов только наряду с Э. Мае) сформулировать концептуальные принципы реконструкции Москвы, и чей проект был опубликован отдельным изданием и получил, вероятно, наибольшее количество откликов. Очевидно, что советской стороне был необходим отнюдь не мастер индивидуального и неповторимого творчества, пусть и мировым именем.

³⁶Архив истории КМК. – Оп. 2. – Д. 23-М – Л. 9.

³⁷Акционерное некоммерческое общество жилища, сбережений и строительства, образованное в Берлине в 1924 г. и в 1920-е – 1930-е гг., активно инвестировавшее в строительство жилых комплексов. В частности, при сотрудничестве с ГЕНАГ выстроены такие берлинские поселки, как Хуфайзен (1925), Целлендорф (1926), «Хижина дяди Тома» (1926 – 1932), Карла Легина (1929) и др.

³⁸РГАЭ. – Ф. 5471. – Оп. 5. – Д. 73.

³⁹Из прибывших с Э. Мае в октябре 1930 – 1931 гг. в СССР архитекторов во Франкфурте с ним работали: Март Стам (Mart Stam), Ханс Шмидт (Hans Schmidt), Вальтер Швагеншайдт (Walter Schwagenscheidt), Ханс Буркхарт (Hans Burkart), Макс Фрюауф (Max Frühauf), Вернер

Хеббрандт (Werner Hebebrand), Вальтер Кратц (Walter Kratz), Альберт Винтер (Albert Winter), Ханс Ляйстиков (Hans Leistikow), Альберт Лёхер (Albert Löcher), Эрих Маутнер (Erich Mauthner), Маргарет Шютте-Лихотски (Grete Schütte-Lihotzky), Вильгельм Шютте (Wilhelm Schütte), Вальтер Шульц (Walther Schultz), Ульрих Вольф (Ulrich Wolf), Карл Леманн (Karl Lehmann), Ойген Кауфманн (Eugen Kaufmann) [15, с. 18–19].

⁴⁰Это Йозеф Нойфельд (Neufeld, Josef), Юлиус Нойманн (Neumann, Julius), Людеке (Lüdecke), работавшие в 1932 г. вместе с Б. Таутом в Моспроекте [18, с. 110–111].

⁴¹Подробнее о деятельности Х. Майера в СССР на рус. яз. см.: [2].

⁴²Государственный архив административных органов Свердловской области. – Ф. 1. – Оп. 2. Д. 39348. – Л. 117. Письмо начальника Гипровтуза Крюкова в Сектор кадров ВСНХ СССР. Автор статьи выражает глубокую благодарность госпоже Астрид Фольперт (Германия), обнаружившей этот документ и предоставившей его для использования в данной публикации.

⁴³Государственный архив административных органов Свердловской области. – Ф. 1. – Оп. 2. Д. 39348. – Л. 117.

⁴⁴ДКА. NL May, Ernst, I, В-13.

⁴⁵На 1.1.1933 в тресте Стандартгипропроект работало 633 сотрудника [4, с. 158].

⁴⁶Строительство Москвы. – 1932. – № 11/12. – С. 42.

⁴⁷РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 775. – Л. 69 – 70.

⁴⁸ГАРФ. – Ф. 5515. – Оп. 23. – Д. 23. – Л. 382.

⁴⁹Подробнее о деятельности К. Майера в СССР см.: [8]

⁵⁰ГАРФ. – Ф. 5446. – Оп. 10 а. – Д. 5. – Л. 31.

⁵¹Bauhaus-Archiv, Berlin. Forbat, Alfred. Mappe 4. Werkmanuskripte. Erinnerungen eines Architekten aus vier Ländern. Hs., ohne Ort, 1969 – 1972. Original im Architekturmuseum, Stockholm. S. 159.

⁵²РГАЭ. – Ф. 5741. – Оп. 5. – Д. 78. – Д. 8.

⁵³ДКА. NL May, Ernst, I, В-13.

⁵⁴ДКА. NL May, Ernst, I, В-13.

⁵⁵ГАРФ. – Ф. 4544. – Оп. 1. – Д. 425. – Л. 2–3.

⁵⁶Опыт и практика строительства. Архитектурно-планировочный комитет Моссовета // Строительство Москвы. – 1932. – № 2. – С. 27.

⁵⁷Подробнее об этом на рус. яз. см.: [9]

⁵⁸ДКА. NL May, Ernst, I, В-13. Подробнее об опыте жилищного строительства Э. Мая на рус. яз. см.: [12]

⁵⁹ДКА. NL May, Ernst, I, В-13.

⁶⁰ДКА. NL May, Ernst, I, В-13.

⁶¹ГАРФ. – Ф. 5515. – Оп. 23. – Д. 2. – Л. 1.

Библиография

1. Андрюшин, Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов / Е.А. Андрюшин. – М., 2012.

2. Зибенбродт, М. Директор Баухауза Ханнес Мейер, московский период деятельности в качестве преподавателя и архитектора (1930–1936 гг.) [Электронный ресурс] / М. Зибенбродт – URL: <http://www.kapitel-spb.ru/index.php/events/19-2011-03-28-12-03-59/49-zib...>

3. Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. – М., 1999.

4. Казусь, И.А. Советская архитектура 1920-х гг.: организация проектирования / И.А. Казусь. – М., 2009.

5. Коккинаки, И.В. Советско-германские архитектурные связи во второй половине 20-х годов / И.В. Коккинаки // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. – М., 1980. С. 115 – 133.

6. Коккинаки, И.В. О профессиональных связях советских и голландских архитекторов в

межвоенный период / И.В. Коккинаки // Проблемы истории советской архитектуры: сб. науч. тр. – М., 1977. – № 3. – С. 36 – 42.

7. Коньшева, Е.В. Восприятие европейского опыта в городском планировании и строительстве в Советской России в 1920-х – 1930-х годов: этапы и формы / Е.В. Коньшева // Вестн. Пермского гос. ун-та. Сер.: История. – 2014. – № 2.

8. Коньшева, Е.В. Коммунист и «враг народа»: архитектор Курт Майер в СССР [Электронный ресурс] / Е.В. Коньшева // Архитектон: известия вузов. 2013. № 41. URL: http://archvuz.ru/2013_1/10

9. Коньшева Е.В. Проекты «Большой Москвы» (1931/1932) германских архитекторов: истоки, влияния, трансформация опыта / Е.В. Коньшева // Архитектурное наследие. – М., 2014. – № 60. – С. 265 – 284.

10. Меерович, М.Г. История отечественного градостроительства. Гипрогор (1929 – 1932) // archi.ru [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович. – URL: http://archi.ru/agency/testing_news_current.html?nid=54884 (ч. 1); http://archi.ru/agency/testing_news_current.html?nid=55034 (ч. 2).

11. Меерович, М.Г. На острие схватки титанов [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон: известия вузов. – 2011. – № 33. – URL: http://archvuz.ru/numbers/2011_1/01

12. Меерович, М.Г. Эрнст Май: рациональное жилье для России [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон: известия вузов. – 2011. – № 36. – URL: http://archvuz.ru/numbers/2011_4/14

13. Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. – М., 1929.

14. Blumenfeld, Hans. „Es sei denn, sie bauen eine humane Stadt“. Autobiographie 1892 – 1988 / H. Blumenfeld. – Basel, Berlin, Boston, 1993.

15. Ernst May und das Neue Frankfurt 1925 – 1930. – Berlin, 1986.

16. Heumann, B. Jahrgang 1907: ein politischer Architekt. Autobiographien / B. Heumann. – Berlin, 1997.

17. Junghanns, K. Bruno Taut 1880–1938 / K. Junghanns. – Berlin, 1983.

18. Bruno Taut. Moskauer Briefe. 1932 – 1933 / Kreis Barbara (Hrsg.). – Berlin, 2006.

19. Liebknecht, K. Mein bewegtes Leben / K. Liebknecht. – Berlin, 1986.

20. Meyer, H. Bauen und Gesellschaft. Schriften, Briefe, Projekte / H. Meyer. – Dresden, 1980.

21. Schütte-Lihotzky, Margarete. Warum ich Architektin wurde / M. Schütte-Lihotzky. – Salzburg, 2004.

22. Shadowa, L. Hinnerk Scheper und Boris Ender im Maljarstroj / L. Shadowa // Wiss. Zeitschrift der HAB (Bauchaus). – Weimar, 1979. – № 26. – Heft 4/5 – P. 323 – 327

Коньшева Евгения Владимировна
кандидат искусствоведения,
доцент,

Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия, e-mail: e_kon@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.07.2014

Электронная версия доступна по адресу: http://archvuz.ru/2014_3/14

© Е.В. Коньшева 2014

© УралГАХА 2014

EUROPEAN ARCHITECTS IN SOVIET PLANNING ORGANIZATIONS IN THE 1930s: EVOLUTION OF POSITIONS, ROLES AND INTERRELATIONS. Part 1. NEEDS AND OBJECTIVES

Abstract

The article addresses the issue of employment of international experiences in design and construction in the USSR during the early five-year planning periods. The article touches upon the little-studied aspect of the problem, namely the status of European architects in Soviet planning organizations. Primarily, the author reviews and analyses data on the overall number of European architects staying in the USSR during the 1930s and their distribution across the planning organizations. Besides, the author examines the procedures that were used for recruiting professionals, selection principles, and tasks they were given. Finally, the article considers the evolution of the positions and roles occupied by European architects in the central and regional design organizations. Special attention is given to the evolution of relationships between Soviet and European specialists. The article is based on documents available in Russian and German archives.

Key words

European architects, first five-year planning periods, town-planning

References

1. Andryushin, E.A. (2012) From the History of the Labour Legislation of the USSR and the Policy of the Soviet Government in the Field Labour Resources. Moscow^ Novy Khronograf.
2. Siebenbrodt, M. Bauhaus Director Hannes Meyer, His Moscow Period of Activities as Instructor and Architect (1930–1936) [Online] Available from: <http://www.kapitel-spb.ru/index.php/events/19-2011-03-28-12-03-59/49-zib...>
3. The Industrialisation of the Soviet Union. New documents. New facts. New approaches. (1999) Moscow: IRI RAN.
4. Kazus', I.A. (2009) The 1920s Soviet Architecture: Organisation of Design Activity. Moscow: Progress-Traditsiya.
5. Kokkinaki, I.V. (1980) Soviet-German Architectural Ties in the Second Half of the 1920s. In: Relations between Russian and Soviet Art and German Art Culture. Moscow: Nauka
6. Kokkinaki, I.V. (1977) On Professional Contacts between Soviet and Dutch Architects during the Inter-War Period. In: Issues in History of Soviet Architecture: collected articles. No. 3. Moscow.
7. Konyshева, E.V. (2014) Perception of the European Experience in City Planning and Building in Soviet Russia in the 1920s – 1930s: Stages and Forms. In: Bulletin of Perm State University. Series: History. No. 2.
8. Kinyshева, E.V. A Communist and «Enemy of the People»: Architect Kurt Meyer in the USSR [Online] Architecton: Proceedings of Higher Education. 2013. No. 41. Available from: http://archvuz.ru/2013_1/10
9. Konyshева, E.V. (2014) The Projects of «Greater Moscow» (1931/1932) of German Architects: Sources, Influences, Transformations of Experiences. Arkhitekturnoye Nasledstvo. Moscow. No. 60.
10. Meerovich, M.G. The History of National Town-Planning. Girpogor (1929 – 1932) [Online]. Available from: http://archi.ru/agency/testing_news_current.html?nid=54884 (Part 1); http://archi.ru/agency/testing_news_current.html?nid=55034 (Part 2).
11. Meerovich, M.G. (2011) In the Midst of the Battle of Titans [Online] Architecton: Proceedings of Higher Education. No. 33. Available from: http://archvuz.ru/numbers/2011_1/01
12. Meerovich, M.G. (2011) Ernst May: Rational Housing for Russia [Online] Architecton: Proceedings of Higher Education. No. 36. Available from: http://archvuz.ru/numbers/2011_4/14
13. Contemporary Building of Germany. The First Foreign Excursion of Civil Engineers and Architects. Moscow, 1929.
14. Blumenfeld, H. (1993) „Es sei denn, sie bauen eine humane Stadt“. Autobiographie 1892

– 1988. Basel, Berlin, Boston.

15. Ernst May und das Neue Frankfurt 1925 – 1930. Berlin, 1986.
16. Heumann, B. (1997) Jahrgang 1907: ein politischer Architekt. Autobiographien. Berlin.
17. Junghanns, K. (1983) Bruno Taut 1880–1938. Berlin.
18. Kreis, B (Hrsg.). (2006) Bruno Taut. Moskauer Briefe. 1932 – 1933. Berlin.
19. Liebknecht, Kt.(1986) Mein bewegtes Leben. Berlin.
20. Meyer, H. (1980) Bauen und Gesellschaft. Schriften, Briefe, Projekte. Dresden.
21. Schütte-Lihotzky, M. (2004) Warum ich Architektin wurde. Salzburg.
22. Shadowa, L. (1979) Hinnerk Scheper und Boris Ender im Maljarstroj. In: Wiss. Zeitschrift der HAB (Bauchaus). Weimar. No. 26, Heft 4/5. P.323–327

Konysheva Evgeniya V.
PhD (Art Studies), Associate Professor,
Southern Urals State University,
Chelyabinsk, Russia, e-mail: e_kon@mail.ru
Article submitted: 27.07.14

The online version of this article can be found at: http://archvuz.ru/2014_3/14

© E.V. Konysheva 2014

© USAAA 2014